

МЕДВЕДЬ

Мария
Ануфриева

Самое время!

Мария Ануфриева

Медведь

«WebKniga»

2012

Ануфриева М. Б.

Медведь / М. Б. Ануфриева — «WebKniga», 2012 — (Самое время!)

Роман «Медведь» – дебютная книга Марии Ануфриевой, уже нашедшая отклики в литературной среде: «От прозы Марии Ануфриевой невозможно оторваться. Это очень страшно, потому что очень точно и очень правдиво. Но ужас не раздавливает, а мобилизует, потому что автор настоящий художник» (Александр Мелихов). Счастливая жизнь героев книги перевернулась в один миг. Он пошел на встречу с друзьями и не вернулся. Она искала его и нашла в реанимации без сознания. Ее домом становится белый больничный коридор, где она день за днем ждет выхода врачей, просит о чуде и пытается распутать клубок трагических событий, о которых он не может ей рассказать. Эта история никого не оставит равнодушным.

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мария Ануфриева

Медведь

ЧАСТЬ 1

НЕ БЫВАЕТ АТЕИСТОВ

Белый коридор. Железные стулья. Большое окно почти до пола. В обычной жизни они не значат ничего – коридор, стулья да окно, что в них примечательного.

В замкнутом белом больничном мирке они могут превратиться в целую Вселенную. Кроме коридора, стульев и окна в ней нет ничего материального. Есть только ожидание, и бессилие, и надежда на врачей, и вера в чудо, и тошнота, и головокружение, и тревога. Они вызывают дрожь в груди, бьющуюся невидимой птицей. Взмахнет крыльями – и заходит ходуном все внутри, притаится – и тут же все окаменеет и замрет вместе с ней в ожидании: что там, за раскрытыми дверями, где ровный свет, кислый запах, долгое беззвучие и внезапный грохот каталок, разрывающий тишину.

Но на тишине с кислым запахом нельзя остановить взгляд, нельзя к ней прикоснуться, чтобы почувствовать реальность и не полететь в пропасть безумия, которая раскрывается под ногами, когда в одну секунду рушится твой мир. Коридор, стулья да окно ощутимы, за них можно ухватиться, сделать своими союзниками и выстроить вокруг себя Вселенную.

Моя больничная Вселенная не расширялась и была не бесконечна, но в ней билась жизнь – самое главное, самое ценное, что может быть у человека.

Это было не первое и не последнее мое утро здесь. Сотрудница в окошке справочной службы, сверившись с пухлой разлинованной тетрадкой, уже ворчливо сказала мне ставшую привычной фразу:

– Жив, жив, но состояние крайне тяжелое, кома третьей степени, температура 37,7.

На словах «крайне тяжелое» ее голос приобретал немного другую, скорбную окраску. Это профессиональное, выработанное годами, иногда она сопровождала слова сокрушенным покачиванием головы.

Я мечтала о том, что однажды подойду, назову имя, а она скажет:

– Стабильно тяжелое.

И это будет праздник! Ведь, оказывается, между тяжелым и крайне тяжелым состоянием – целая пропасть. Тяжелое состояние – это победа.

Потом все как обычно. Я выходила из холла первого этажа, где располагалась справочная, на улицу. Шестнадцать этажей серого монолитного здания больницы сливались с таким же серым небом, а с него медленно и беззвучно падали большие серые хлопья снега, покрывая маленький больничный двор. Больница, небо и снег были единым целым – крайне тяжелым.

Чуть дальше шумела оживленная городская улица, кипела цветная жизнь, но я не собиралась покидать это серо-белое больничное царство и выходила для того лишь, чтобы снова войти. Пересекая двор, смотрела налево: вот он, мой коридор возле дверей реанимации, куда надо попасть. Рано утром дальше окошка справочной с центрального входа в больницу не пускают, но по одному из пандусов можно подняться в приемный покой и попытаться проникнуть внутрь.

Надо очень быстро, по-деловому, не оглядываясь, пройти мимо охраны, на всякий случай делая вид, что разговариваешь по телефону. Если окликнут, сказать: «У меня родственник к вам поступил, оформляется тут, в приемном, сейчас найду его, отдам документы и выйду».

Затем быстро затеряться в белых коридорах и вновь занять свое место на холодном подоконнике в большой больнице.

Даже не подоконник это был, а бетонный выступ огромного больничного окна, очень низко, почти у пола. Рядом стояли сетчатые железные стулья, иногда я пересаживалась на один из них, но на подоконнике было удобнее. Сидя на стуле, трудно прятать лицо от проходящих мимо по коридору, надо куда-то смотреть: на людей, в пол или в стену. А я не знала, куда деть глаза, я хотела их просто закрыть. Пересев на низкий выступ, можно было отвернуться к окну и остаться наедине с собой и с ним.

Все эти дни я разговаривала с ним, рассказывала о том, что сижу рядом, в белом коридоре, куда отлучалась и что удалось узнать, ведь сам он наверняка даже не понял, что случилось за пару секунд, перевернувших жизнь: свет фар, удар и темнота.

Все эти дни я просила об одном:

– Не умирай, Медведь!

Ведь говорят же, что мысль материальна. Может быть, в этом есть доля правды. Может быть, пока ты говоришь с человеком, он и живет, борется, цепляется за жизнь вопреки всему.

Временами я раскачивалась из стороны в сторону. Как младенец успокаивается и затихает на руках качающей его матери, так горящий человек, раскачивая сам себя, подчиняется усыпляющей силе размеренных движений, которые притупляют боль. Он словно сам становится маятником. Разве у маятника могут быть навязчивые мысли, страх, горе? Он просто маятник, существующий для того, чтобы качаться, качаться, качаться – ровно, бесперебойно. Маятник не может сойти с ума...

Только не разжимать ладонь, ни на минуту, ни в коем случае нельзя было этого делать!

В ладони – икона Ксении Блаженной. Я ходила с ней днем, научившись все делать одной свободной рукой. Ночью спала, положив руку с иконой под подушку, боясь во сне разжать ладонь и выпустить ее, прервав свою непрерывную мольбу Богу вернуть его. Временами со всей силы сжимала икону, чтобы ее ребристые деревянные края как можно больше впечатывались, врезались в ладонь. Когда становилось совсем больно, и на коже появлялись кровоподтеки, я представляла его забинтованную голову на больничной подушке, собирала боль в один луч и мысленно направляла его туда, в реанимацию.

– Реакция на боль минимальная, – сообщали врачи.

Я делала больно себе, чтобы передать эту физическую боль ему – на расстоянии, может, он почувствует ее как разряд, как сигнал к действию: еще, еще немного напрягись, преодолей свое полубытие, ты еще можешь вернуться.

Если бы хоть день возратить из прошлой, вчерашней жизни. Да какой там день, хоть час, хоть десять минут! Чтобы сказать, как я его люблю.

Не в холодную, враждебную пустоту палаты увитому трубками человеку под белой простыней. А ему – в футбольной форме на стадионе, за рулем машины, вернувшемуся поздно вечером с работы. Ему, Медведю.

– Не умирай, ты сильный, я верю в тебя. Только не умирай, Медведь!

Есть люди, будто наделенные внешними и внутренними чертами животных. Бывает, увидишь впервые человека и тут же понимаешь: вылитый лис, настоящий волчара, этот – осторожный барсук, ну а вот – благородный лев.

Друзья с детства звали его Медведем. Я настолько свыклась с этим прозвищем, что и сама так его называла.

Откуда оно появилось? Он и впрямь был похож на медведя – спокойный, неторопливый, основательный. Спортсмен, на футбольном поле быстрый и, как принято говорить, резкий, но как только заканчивалась игра, тут же превращался в добродушного увальня. Разозлить его

сложно, но если уж справишься с этой задачей – несдобровать. Потом он всегда остывал и начинал виновато урчать. Именно урчать, другого слова и не подберешь:

– Машенька, прости.

Когда он шел на попятную и начинал урчать, тут уж можно было просить все что хочешь.

Я пользовалась этой мягкостью его характера и просила все, что мне угодно, не угодно и просто пришло в голову сию минуту.

Когда, предъявив паспорт, я получила в казенном окошке его обручальное кольцо, все в засохшей крови, я попросила:

– Не умирай, Медведь, ты ведь не можешь умереть, правда? Ты ведь выжил. Все говорят, что здесь хорошие врачи, они спасут тебя. И Бог – он не может от нас отвернуться. Держись, не умирай. Ты только не умирай, Медведь!

Я надела на палец кольцо и посмотрела на руку – два обручальных кольца, одно над другим. Тут же почувствовала, что под ногами у меня пропасть и безумие.

Надо собраться, отключить эмоции. Выяснить, что с ним произошло. Попасть в палату. Увидеть. Постоять рядом. Вырвать у смерти.

Плохое всегда случается мгновенно, но и мгновения бывают разные. Когда падаешь сам, в какие-то доли секунды еще успеваешь удивиться, огорчиться, осознать факт падения и даже, возможно, сгруппироваться, смягчая удар. Когда опрокидывает, швыряет наземь, оглушает взрывная волна, у тебя нет и доли секунды, чтобы осознать, что происходит.

Такой взрывной волной стало для меня случившееся с ним. Мгновенность крайней, самой последней степени.

Только что все было – и мечты, и планы, и Машенька, прости, и вопрос: куда поедет летом – днем, а вечером он встретился с друзьями и просто не вернулся домой.

В окошке, где выдают вещи и документы попавших в больницу скорой помощи, я расписывалась в получении ошметков счастья и благополучия. Расписывалась и не могла поверить, что белый коридор и табличка над дверью «Хирургическая реанимация» – наяву. И я здесь – тоже наяву. И что мне делать с этой явью?

Но что-то делать надо, чтобы вернуть его, заслужить его, получить его. Обратно. Живого!

– Ты только не умирай, Медведь!

Можно ли дать определение человеку одним словом, исчерпывающе, до дна?

В средней школе на уроках литературы, потрясая стопкой разлинованных тетрадок в зеленых обложках, учитель ругала не отличающихся богатством словарного запаса учеников: «Что, опять фантазии не хватило? Сто раз вам повторять надо: нельзя называть героя в сочинении хорошим! Ведь что такое – хороший? Это ничего! Мама у вас дома хорошая, а у героя Михаила Юрьевича Лермонтова много других характеристик. Еще раз прочитаю про “хорошего” – выше тройки в четверти не получите!»

Я на всю жизнь запомнила, что слово «хороший» не применимо к литературным героям, хотя сложностей с прилагательными у меня никогда не было.

Потом начались студенческие годы.

– Представьте, что вы едете в трамвае, а напротив вас сел человек. Опишите его, во всех деталях, в мельчайших черточках его характера, которые не должны ускользнуть от вас. Только избегайте штампов вроде «хороший», – говорил преподаватель.

А дальше была работа, когда я писала, писала и писала за других, и всегда избегала в описаниях человеческих свойств слова «хороший». Это было не сложно, я ведь знала очень много слов, отвечающих на вопрос: какой?

Прошло время, и я узнала, что хороший – это и есть то главное слово, которое дает нам исчерпывающее представление о человеке. Хороший – это больше, чем добрый, смелый, спра-

ведливый, благородный. Хороший – это все, но не ничего. И множество слов не заменит простого, но не пустого слова – хороший.

Я поняла это, когда встретила Медведя. Он оказался очень хорошим.

Впервые я увидела его возле станции метро «Горьковская». Он стоял в стороне от толпы, воротник пальто был поднят. Стоял, нахохлившись, улыбаясь и краснея. Когда он смущался, у него всегда проступал румянец, а смущался он часто.

Кончик моего шарфа то и дело касался рукава его пальто, потому что с Невы дул сильный ветер. Желтые листья покрывали Александровский парк.

Мы пошли в кафе, чтобы обсудить дело, которое и стало причиной встречи: надо вычитать его диссертацию и автореферат на предмет синтаксических ошибок и стилистических неточностей. До сих пор не могу понять, зачем это потребовалось, – писал он грамотно. Наверное, по-настоящему образованные люди не могут позволить себе быть асами в одном и неряхами в другом.

Я с рвением взялась за дело и, за неимением существенных ошибок, поправила несущественные. Позже выяснилось, что последние и не ошибки вовсе, а профессионализмы. Корявые, но тем не менее правильные.

– Ничего страшного, Машенька, – урчал он в трубку. – Не переживай. Ну ты же не могла знать.

Потом мы опять встретились, я смотрела на его крепкие руки и чувствовала, что меня ждет что-то большое. Я всегда это чувствую.

Не обладая такими полезными в жизни качествами, как женское кокетство и мудрость, я вывалила все, что было на душе:

– Мне уже двадцать семь лет, и куда уходит время, непонятно. Семьи нет, жилья своего нет, детей нет, а так хочется. И ничего я не умею, кроме как буквы в слова складывать, да и то сомнительное это умение. Таких умельцев и без меня хватает.

Он слушал, кивал и говорил, что все непременно будет: и дом, и семья, и ребенок:

– Все будет хорошо, Машенька.

Через три месяца после знакомства с Медведем мне позвонила бабуля, у которой я была прописана в области, и сказала, что надо либо выписываться, несмотря на заплаченные деньги, либо платить втрое больше за год, и вообще в качестве бонуса ей нужно сорок килограммов картошки, потому что она больна и не может выйти из дома.

– Не проще ли деньгами? – спросил Медведь.

– Нет, сказано же картошкой, деньги и так, само собой разумеется, – уныло отвечала я.

Мы купили картошку и поехали по Московскому шоссе.

Бабуля встретила нас жизнеутверждающим румянцем, фуфайкой нараспашку и двумя ведрами воды, только что лихо поднятыми из колодца.

– Приехали? Картошечку привезли? Ну вот и ладненько, вот и молодцы. А ты, милочка, симпатичная такая, с Украины, что ли?

На лице Медведя заиграли желваки, а я ответила, что нет, не с Украины. Впрочем, никакой разницы нет: если ты из города – столицы Карелии, что в семи часах езды, и живешь в Петербурге почти десять лет, для некоторых коренных петербуржцев ты все равно лимита, второй сорт, даже если сами они давно живут в деревне.

– А мальчик твой что, не хочет ли на тебе жениться? Или не нужна ты ему, без жилья-то? – не унималась бабуля.

Назвав на прощание сумму, которую я должна ей за прописку на год, она радостно помачала нам вслед.

Попрощались мы ненадолго, деваться-то мне все равно было некуда.

– Почему ты не можешь прописаться в центре, там, где живешь? – спросил он по дороге.

– Потому что это не мое жилье. Оно не приватизировано, а я не родственница хозяйке.

Мы ехали обратно по Московскому шоссе, я вспомнила слова бабули, совершенно невероятную сумму сверх заплаченного за год, поняла, что я действительно второй сорт, ведь у меня нет своего жилья, и разревелась от обиды.

Я плакала и ненавидела его за то, что он едет и молчит, за то, что он первый сорт. Вышла из машины, хлопнув дверью и не обернувшись.

На следующий день он позвонил и как ни в чем не бывало сказал:

– Что у тебя с настроением? Все будет хорошо, Машенька. Кстати, у тебя есть знакомые агенты по недвижимости?

Он взял кредит на работе и все накопленное на новую машину. Цены в тот год росли каждый день, на квартиру не хватало, но о квартире я и не мечтала.

Через несколько месяцев вместо новой машины себе он купил комнату мне и сказал:

– Езжай в паспортный стол и выписывайся от бабки. Это твоё жильё.

Узнав новости, бабуля присвистнула. Затем сообщила, что она первоклассный маляр и вполне может побелить у меня потолок, и вообще – нет ли на примете других толковых девок не с Украины, чтоб платили за десять лет вперед, а выписывались пулей через год.

Потом Медведь дал мне семью и привел в свой дом, но до сих пор, читая женские откровения о самых разных дорогих и нужных подарках, я всегда думаю о том, что нет важнее подарка, чем купленная для тебя комната в коммуналке. Это был самый щедрый, самый своевременный и самый человечный подарок в моей жизни.

Я знала, что над его поступком посмеивались многие знакомые, и понимала, что хоть де-юре я перестала быть вторым сортом, но де-факто продолжала им оставаться. Если у тебя нет медали, подтверждающей рождение в любимом городе, и ты не ходил в школу с тремя цифрами в номере, для некоторых людей ты навсегда останешься вторым сортом, тут уж ничего не попишешь. Это так же невозможно изменить, как святую уверенность в том, что белые ночи – природное явление, случающееся раз в год только в Петербурге, и больше нигде нет белых ночей. Выехал из Санкт-Петербурга – закончились белые ночи. Я видела немало таких людей, и удивилась, встретив Медведя.

Свой стержень и свое понимание правильных и неправильных поступков помогали ему не замечать насмешек, хотя, наверное, не защищали от них. Он всегда прислушивался к чужому мнению, но оно никогда не становилось безоговорочно его мнением, не пройдя через многоступенчатые фильтры очистки истинных ценностей от ложных, потому что он был *хорошим*.

– Не умирай, Медведь, ты только держись!

Может ли время идти вспять? Если оно способно остановиться и замереть, превратившись в безвременье, то, быть может, и путь назад заложен в его часовой механизм. Просто мы не знаем, как заставить стрелки крутиться в обратном направлении, отменяя уже свершившиеся события человеческой жизни.

Еще так недавно, но уже так давно, в совсем другой счастливой жизни душным августовским вечером мы ехали из карельского городка Сортавала, то и дело останавливаясь, чтобы искупаться в озерах, которые попадались по дороге.

После одной из таких остановок он едва успел разогнаться, как чертыхнулся и резко остановился, правой рукой держась за руль, а левой от чего-то отмахиваясь. В машину с водительской стороны залетело, заползло или даже вскочило большое мерзкое насекомое и не придумало ничего лучше, чем опустить свое невесомое тельце прямо на руль. Я заверещала дурным голосом и в панике выскочила на обочину.

Оказалось, это во время стоянки случайно запрыгнул большой прозрачно-зеленый кузнечик. Не разобравшись, Медведь первым инстинктивным движением щелкнул по нему и почти раздавил.

– Выкинь эту тварь из машины, только не бери его руками, а то я никогда больше не дотронусь до тебя! – кричала я.

– Это же кузнечик! – он изменился в лице. – Кузнечик! Вот я дурак! Зачем я его убил?

– Затем, что нечего в машину соваться! Не переживай, значит, судьба его такая, – бодро утешила я. – Тоже мне, горе, тут этих стрекочущих чудовищ триллион скачет! Молодец, что прибил.

– Да я же не специально, не понял! Они и зла никому не причиняют. Эх, зачем же я его убил!

Кузнечик – вернее, то, что от него осталось, – дергался у ног Медведя в лужице белой жидкости.

– Надо добить его, чтобы не мучился, – чуть не плача сказал он, побледнев сквозь загар.

Не стал давить ногой. Под моим испепеляющим взглядом сгреб останки невезучего насекомого салфеткой и выкинул в придорожную канаву.

Поехали дальше, но настроение у него упало. Я посмеялась над ним, предложив устроить траур по кузнечику, но он не поддержал. Молчали.

Медведь молчал – видимо, жалел жителя зеленых лужаек и то и дело подавленно вздыхал. Я тоже молчала – думала: «Боже мой, что это за человек такой. Нет, мне, конечно, очень повезло, он добрый и заботливый. Но ведь нельзя же всерьез расстраиваться из-за случайно прищепнутого кузнечика. Нельзя быть таким хорошим человеком. Это нереально, несовместимо с жизнью. Надо избавляться от этой доброты, открытости, распахнутости миру, а по сути – детского восприятия действительности. В жизни это ни к чему хорошему не приведет. Тут таким не место, тут такие не задерживаются».

Он сосредоточенно смотрел на дорогу и категорически не хотел улыбнуться происшествию с кузнечиком, а я тайком поглядывала на него, и сердце у меня сжималось от нежности и досады одновременно. Я всегда хотела, чтобы он был как все – хуже, чем есть. Для его же блага. Пыталась переделать, но не могла: всегда натыкалась на внутренний стержень. При всей мягкости характера его было не согнуть.

Тогда я не могла предположить, что человеческая жизнь, по сути, мало чем отличается от жизни кузнечика. Ты весело и беззаботно скачешь по полям и лужайкам – работа, дом, магазины, рестораны. Рядом с тобой скачут такие же хрупкие беззаботные кузнечики. Каждый по своим любимым лужайкам. Никому и в голову не приходит, что стоит зазеваться или оказаться не в то время не в том месте и не с теми кузнечиками, и – бабах, ты раздавлен чьим-то мощным щелчком и в судорогах корчишься на асфальте. С той лишь разницей, что жидкость из тебя вытекает не белая, а красная, образуя «пятно бурого цвета диаметром 0,5 на 0,3 метра».

И кто-то так же, проходя, скажет:

– Сам виноват, судьба его такая.

– Естественный отбор, – простучит на клавиатуре другой и весело щелкнет клавишей, зовя на монитор следующую историю из хроники происшествий за минувшие сутки.

А ведомства, отвечающие за порядок на лужайках, безопасность движения по тропинкам между ними и сохранность жизни кузнечиков, отмахнутся от приключившегося несчастья, будто не родственники кузнечика к ним пришли за помощью, а назойливые мухи влетели в форточку.

Еще так недавно, но уже так давно я наивно полагала, что человеческая жизнь чего-то да стоит. Возможно, за тридевять земель, в тридесятом царстве, заморском государстве на далеких полянах за высоким бугром так и есть, а на родных лужайках стоит она не больше, чем жизнь кузнечика, выброшенного в придорожную канаву.

– Но мы сильные, мы справимся. Правда, Медведь? Ты только не умирай!

Из воспоминаний меня вернул в действительность телефонный звонок. В эти дни мне много звонили, и всякий раз голоса в трубке тихо и с опаской спрашивали: не потревожили? И непременно извинялись. Но вопреки этим опасениям я была рада каждому звонившему. Как только раздавался звонок телефона, я понимала, что не одна, а еще – что не потеряла его.

Никогда не была Машей-растеряшей, но почему-то сама мысль о возможной потере телефона превратилась для меня в навязчивую идею. Потеря телефонофобию.

Я цеплялась за телефон как утопающий за соломинку, ведь он вместе с коридором, окном и железными стульями тоже был моей Вселенной. В нем – связь с большим миром за стенами больницы. В нем номера друзей, родственников, врачей, экстрасенсов, полезных людей, открывающих нужные двери. В эти дни я поняла, увидела и до конца осознала то, что в теории и так знает каждый. Если тебе некому звонить, за тебя некому просить и у тебя нет ниточек, ведущих в волшебный клубочек людей хоть что-то да решающих, ты полный ноль, а твоя жизнь, беды и прочие смешные надобности – посторонний звук в отлично работающем муляже двигателя большой государственной машины.

Эти полезные ниточки тянулись из большого мира в маленький больничный мирок. Благодаря им в этом мирке завязывались узелочки. Они придавали аскетичной белой Вселенной немного цвета, а значит, тоже спасали от безумия и от звенящей пустоты, которая часто окружает человека, внезапно выброшенного на обочину жизни.

В очередной раз вздрогнув от звонка и облегченно вздохнув от того, что телефон по-прежнему со мной, я услышала в трубке знакомый голос:

– Он договаривался об этой встрече накануне. На обеде. В офисе. Возле кофе-автомата, – прерывисто говорил его коллега. – Как же это могло случиться?

Мы не верим... В ту пятницу собирались после работы зайти в кафе всем отделом, пообщаться в неформальной обстановке, знаете... Но потом планы у ребят изменились. Кто-то не смог. И он решил встретиться с институтскими друзьями, на хоккей они собирались.

Он кидал эти рубленые фразы, словно надеясь, что так быстрее выполнит свою нелегкую задачу – поговорит с женой лежащего в коме человека, который еще вчера мог похвастаться отменным здоровьем. Потом шумно перевел дыхание и зачем-то еще раз глухо повторил:

– Мы слышали, как он договаривался...

Помедлил.

– Мы с ним часто говорили – о семье, футболе, много о чем... Таких светлых людей, как он, больше нет. Я до сих пор не верю! Все кажется, что он просто опаздывает на работу, пробки, пока доедешь... Сейчас дверь откроется, и войдет. Что-нибудь уже выяснили? Следователь был? Как все произошло?

– Нет, – призналась я. – Надо искать следователя, которой дело передали, ехать в Главное следственное управление. Никто не приходил и не звонил, а у него, представляешь, и документы все при себе были: права, паспорт. Все в больнице отдали. Врачи «Скорой» написали: сбит неустановленным транспортным средством. Состояние крайне тяжелое.

– Но ведь кто-то же выезжал из ГИБДД происшествие оформлять? Что они говорят, как все случилось?

– Послушай, – отвечала я трубке и сама слышала свой голос словно издали, как чужой, – нам даже не сообщили, что он в больнице. Сейчас звонят, выясняют, мы подняли всех, кого могли.

Голос в трубке дрожал, но собеседник пытался быть бодрым:

– Мы верим в Медведя, он выкарабкается, он не умрет!

Я все время спрашивала себя: могла ли я предотвратить случившееся?

Если бы мы не уехали на Новый год, если бы я не задержалась и мы вернулись вместе, возможно, стоя у кофе-автомата, он отклонил бы приглашение и не пошел на хоккейный матч.

За месяц до случившегося у меня появилось тревожное чувство, очень смутное, неявное, нечеткое. Как дурной сон под утро, когда просыпаешься с мучительным ощущением страшного и непоправимого, но что же именно произошло там, во сне, вспомнить уже не можешь. Ощущение это было связано с Медведем. Я не придавала ему значения – и теперь чувствовала себя виноватой. Я должна была прислушаться к себе, услышать, поверить.

В первый раз оно возникло перед самым Новым годом. Я фотографировала Медведя, а потом при взгляде на один из снимков у меня защемило сердце. Непривычно осунувшееся лицо, грустная улыбка и главное – взгляд. Словно издалека... На этой фотографии Медведь был не таким, как всегда.

Я не смогла тогда понять, что в его лице не так, но отчетливо помнила промелькнувшую мысль: «Что-то случится». Возникла из ниоткуда, пробежала предупреждением, кольнула в сердце...

Второй раз сердце кольнуло, когда купили ему билет на поезд. Это был единственный билет на нужное число – 9 января 2011 года. Конец новогодних каникул. Не было купе и СВ, только плацкарт, да еще и боковой, да еще и отказной. Никаких вариантов, только сданный кем-то плацкартный билет.

Пришлось покупать его. Медведь ворчал, потому что давно уже не ездил в плацкарте, а я назидательно говорила ему:

– Все следует делать заранее, в том числе и билеты покупать, а я предлагала в Питере за 45 суток брать, не тянуть до последнего, ясно же, что в конце новогодних каникул поедет много народа. Вот теперь лежи в проходе на боковой полке – наука будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.